

И вот мы входим в пустынное помещение, где царит полумрак, но я тотчас замечаю тётеньку в белом халате, накладывающую в стаканчик мороженое.

– Поторопитесь, кино начинается, – слышится женский возглас.

В тёмном зале много людей. Зоя, усадив меня перед экраном на пол, рядом с другими ребятишками, сама садится в первом ряду. На экране бегают чёрные глазастые люди в широких и длинных не то платьях, не то рубахах, размахивают руками и поют. Кино оказалось неинтересное, мне было скучно и обидно, что Зоя не купила мороженое, а так хотелось мороженого.

На следующий день мы смотрели сказку «Каин XVIII».

И наступила пора чудесных, мудрых, честных, озорных, волшебных, вечных сказок Александра Роу и Надежды Кошеверовой, в которых добро и высшая справедливость, конечно, побеждают зло: «Морозко», «Огонь, вода и медные трубы», «Каин восемнадцатый», «Старая-старая сказка», «Варвара краса – длинная коса», «Марья-искусница», «Василиса Премудрая», «Королевство кривых зеркал» – это же несметные золотые россыпи. Сказка – ложь, да в ней намёк, добрым молодцам урок. Хотя бы и такой урок, что преподал очаровательный король из сказки «Золушка»: «...связи связями, но надо же, в конце концов, и совесть иметь. Когда-нибудь спросят: "А что вы, собственно говоря, можете предъявить?". И никакие связи не помогут сделать ножку маленькой, душу большой, а сердце справедливым».

* * *

Светлым окном в необыкновенный, загадочный, феерический, радужный, манящий мир кино был для меня чёрно-белый, с цветной обложкой журнал «Советский экран», благодаря которому я узнала о звезде немого кино Вере Холодной и о комиках Бастере Китоне и Чарли Чаплине, о фабрике эксцентрического актёра ФЭКС и о фабрике грёз Голливуде, о монтаже в кино и о личной жизни Софи Лорен...

ТАТЬЯНА МАЛЬГАВКО

Родилась в 1954 г. в Таре. Работает библиотекарем МБОУ ДОД «Тарская школа искусств». Лауреат региональной премии им. Владимира Шевелева «За общественное признание заслуг в развитии культуры Тарского муниципального района» (2015). Руководитель литературного клуба «Вечера на Александровской».

СЛИШКОМ КИНОШНОЕ

ЭТО БЫЛО В «ОКТЯБРЕ»

В комнате плавает аромат духов. На Зое блестящее голубое крепдешинное платье с белыми полосками, волосы уложены в пышную причёску. Осталось надеть босножки с золотыми застёжками на тоненьких каблучках, и мы пойдём в кино. Мне шесть лет, я ещё ни разу не ходила в кино. Лето, жарко, солнечные лучики щекоют ресницы. Мы долго идём в кинотеатр под названием «Октябрь», а у меня в октябре день рождения, и от этого сердце бьётся радостно.

Зоя – мамина младшая сестра, и она городская. Рассказывает, что в Омске сто кинотеатров, а у нас в Таре только один.

– И ты во все сто ходила? – с готовностью поверить спрашиваю я.

– Ну что ты, не преувеличивай, – произносит она длинное, малознакомое мне слово.

Над моей кроватью красовались портреты Мэрилин Монро, Алена Делона, Жана Маре, Вячеслава Тихонова, Василия Шукшина. Маме это не нравилось: «... всю стену кнопками исколола!».

Благодатная пора детства. Она проходила в клубе АТХ (автотранспортное хозяйство) на улице Транспортной. Сюда, в скромный зрительный зал на сто человек со старенькими креслами, стекались детвора и взрослые со всех окрестных улиц: Советской, 5-й Армии, Лобкова, Чкалова, Красноармейской, Красных Зорь. Бывало примерно так: за пять-семь минут до начала сеанса в зале появлялся молчаливый блондин средних лет, киномеханик Федя. Проходил вдоль рядов, обилечивая под звон мелочи жаждущих интересной «киношки» пацанов и девчонок. Мне кажется, я и сейчас вижу их лица: глаза, веснушки, вихры и чёлки.

Отец в редкие минуты отдыха также был не прочь полистать журнал о важнейшем из искусств, и с некоторых пор в доме появился красочный «Спутник кинозрителя», а чуть позже – солидное издание о кинематографе под названием «Искусство кино» с рецензиями на новые фильмы, статьями о советских и зарубежных актёрах и режиссёрах и сценариями будущих киношедевров. Я стала мечтать о профессии киноведа. И о том, как я, глазастенькая, лёгкая, ироничная, нахожусь в эпицентре кинематографических событий: то на премьере в Доме кино, то на кинофестивале, то на закрытом просмотре, то на съезде кинематографистов, то на встрече со знаменитостями, а мои статьи печатаются во всех без исключения вышеперечисленных журналах. «Мечты, мечты, где ваша сладость?»

Айда в кино!

С Любашей мы учились в одном классе и почти не расставались после занятий в школе. Сегодня вечером мы договорились пойти в кино. Я едва переступила порог её большого, уютного дома, как следом за

мною вошли гости. О боже, Кентервильское привидение! Это были мужчина и женщина в очках с тёмными стёклами в чёрной оправе.

– Слепые, – шепнула Любаша.

Мне стало как-то жутковато.

– Скоро петь начнут, – с видом знатока, приподняв бровь, сказала подружка.

Я по привычке проскользнула в боковушку – узкую, как пенал, комнату с видом в огород.

– Доча, мы в баню, – крикнула мать.

Незаметно пролетел час.

Мы решили задачу по алгебре и в десятый раз разглядывали фотокарточки артистов, как вдруг послышалось пение.

– Вот, концерт по заявкам начинается, – съязвила Любаша.

Мы прислушались, потом выскочили во двор. Банька стояла в огороде.

– Они что же, прямо в бане поют? – удивлённо спросила я.

– Не в бане, а в предбаннике, – строго вразумила меня Любаша.

О, это было потрясающее пение! Лучше хора имени Пятницкого, красивее ансамбля Александрова. «Прощай, любимый город. Уходим завтра в море», – солировал сильный мужской голос. «И ранней порой мелькнёт за кормой знакомый платок голубой», – подхватывали волнующие до глубины души звонкие женские голоса.

Мы уже продрогли на морозе без пальто и без шапок.

– Айда, без десяти пять. В кино опоздаем, – скомандовала Любаша.

Я нехотя пошла за подружкой в дом.

– Ещё бы послушать, здорово ведь поют.

– Ой, умора, приходи через неделю, послушаешь.

– Не хочешь ли ты сказать, что снова будет концерт? – интеллигентно задала я вопрос.

– Будет тебе и концерт, «и кофэ, и какао с чаем», – с хохотком ответила Любаша, и мы помчались в кино, где нас ожидало новое потрясение.

* * *

Стоят крещенские морозы, идём быстрыми шагами по узеньким тропочкам, протоптанным прохожими. Снег приятно хрустит под ногами, кругом возвышаются ослепительной белизны сугробы. Крыши и деревья засыпаны снегом. Возле «Детского дома» едва видны верхушки ёлочек. Такая кругом красота, будто очутились в снежном королевстве.

Вбегаем в зал, когда на экране уже идут титры и название: «Служили два товарища».

Начало: палят пушки, строчат пулемёты, бегут бойцы в длинных шинелях и песня «Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал» – фильм о Гражданской войне в Крыму, не предвещали ничего доброго, но конец превзошел все наши самые худшие ожидания. Конечно, мы с Любкой в первый же миг влюбились в кинооператора Андрея Некрасова. Его играл Олег Янковский, молоденький, беленький, как ангел, а его товарища, Ивана Карякина, Ролана Быкова, мы тоже полюбили, но всё-таки менее пламенной любовью. А погибает-то от пули белогвардейца Брусенцова, Владимира Высоцкого, как раз боец Некрасов, а ведь казалось, что всё самое страшное закончилось: и кровопролитное сражение в Севастополе, и штурм Перекопа, и форсирование озера Севаш, где солдатики в намокших, окровавленных шинелях шли и тонули в бесконечных, мутных, гнилых волнах, и вот тебе – на! Мы ревели так, что рукава намokли от слёз. По дороге домой бурно обсуждали. Ох, и досталось же Высоцкому, как он от нечего делать: «...чего последний патрон будет зря пропадать», и бабах – убил Андриюшу.

И какая-то невероятная тоска легла на сердце.

«Вот пуля пролетела – и ага...

Вот пуля пролетела – и ага...

Вот пуля пролетела – и ага...

Вот пуля пролетела, и товарищ мой упал», – пели мы с подружкой грустную песню.

Недавно пересмотрела фильм. Какой же гениальный актёр Ролан Быков. Вот уж,

воистину, «ты, Моцарт – бог и сам того не знаешь». Он, наверное, знал.

Про Красную Шапочку

Кино в Таре любили всегда. Зрительный зал «Родины» заполнялся до отказа, когда шли индийские мелодрамы, детективы, кинокомедии, фильмы про Чингачгука и про наших неуловимых. Здесь, в стенах здания на Ленина, 17, не только смотрели кино, но и влюблялись, ревновали, расставались, знакомились. Здесь создавалось, собственно говоря, параллельная кино жизнь.

В то время, о котором я пишу, в моду входили изделия из мохера. Я с подружкой пришла в кино в красной мохеровой шапочке – предмете моей гордости. Всё было замечательно, пока за моей спиной не послышался вкрадчивый голос:

– Красная Шапочка, я тебя съем...

Обернулась, и сердце упало в пятки. Это был не кто иной, как всем известный в Таре Колька Б., длинный, как местная каланча, возмутитель спокойствия и сердцеед. Говорили, что он не боялся милиции, потому что его мать, директор одного из городских предприятий, могла разрешить любой конфликт баловня-сына. И пока не начался сеанс, он ходил за мной следом по фойе и повторял: «Красная Шапочка, я тебя съем». А смотрит почему-то по-доброму. А тут ещё подружка масла в огонь подливает: «Ты ему нравишься, он в тебя влюбился». Влетев в зал одной из первых, я срываю шапку с головы и прячу её под полый пальто. Всё, нет Красной Шапочки! «Инцидент исперчен», как сказал поэт.

* * *

Никому не давала покоя моя красная шапочка. Лектор общества «Знание» из Омска битый час разъясняла нам разницу между советским и буржуазным искусством. И вдруг неожиданно эта парадоксальная женщина с загадочной полуулыбкой Джоконды заявила о своем желании почитать тосты дагестанской поэтессы Фазу Алиевой.

– Вы, – нас было человек пять, – так молды, а в этих стихах столько житейской мудрости.

Тосты были прекрасны – это правда.

– А теперь поговорим о моде. Я, знаете ли, немного шью и могла бы посоветовать каждой из вас фасон одежды.

Да она просто волшебная фея! Леди Совершенство! Мы дружно выразили готовность выслушать её рекомендации. И вот очередь дошла до меня.

– Вы знаете, милая девушка, при взгляде на вашу шапочку у меня возникает непреодолимое чувство голода, – и она делает глотательное движение.

Я хватаю с полки – лекция была в библиотеке – «Советский экран» и прикрываю им шапочку. А она продолжает:

– ...Вам будет хорошо платье в античном стиле лилового или фиолетового цвета с воротничком-стойкой и серьги с жемчугом и стеклянной бусиной, а лучше – с маленькими бриллиантами лимонного оттенка.

P.S.: Какое чудесное было время: даже «плохие парни» смотрели по-доброму и можно было помечтать о бриллиантах.

«По мачты влюблена»

Во время летних гастролей Московского театра имени Е.Б. Вахтангова в Омске – это было, страшно подумать, на излёте семидесятых – мне посчастливилось попасть на спектакль «Маленькие трагедии» в ДК «Химик». В роли Дона Гуана блистал Василий Лановой. В роли Донны Анны – его супруга, восхитительная актриса Ирина Купченко. А на следующий день была творческая встреча с Лановым в ДК «Строитель». Я, надо сказать, могла отличить неповторимый голос этого актёра от тысячи других голосов благодаря спектаклю «Принцесса Турандот», часто транслировавшемуся в те времена по радио. О, принц Калаф – голубая мечта моего детства! Позже к нему присоединились киногерои, созданные актёром:

романтичный капитан Грей из «Алых парусов», бесстрашный, на боевом коне, с саблей над головой Павка Корчагин, красавец Вронский из «Анны Карениной»... И вот он, живой, перед моими глазами, на расстоянии вытянутой руки, прохаживается вдоль сцены, отвечает на вопросы зрителей, шутит. Высок, строен, ослепителен, неотразим. Как на солнце, хочется смотреть на него, сложив ладошки домиком.

Искренне и озорно читает стихи любимого им Пушкина:

«Я вас люблю, хоть я бешусь,
Хоть это труд и стыд напрасный,
И в этой глупости несчастной
У ваших ног я признаюсь!»

Особенно мне запало в душу прочитанное им стихотворение Маяковского «Разговор на одесском рейде десантных судов «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия»:

«Перья-облака,
закат расканарейте!
Опускайся,
южной ночи гнет!

Пара
пароходов
говорит на рейде:
То один моргнет,
а то
другой моргнет».

Необыкновенно трогательно, с любовной мольбой и нотками ревности в голосе он прочёл:

«Я
теперь
по мачты влюблена
В серый "Коминтерн",
трехтрубный крейсер».

Вот и сейчас, через годы и годы мне любезны и радостны эти воспоминания. Bravo, артист!

«НА ВЕЧЕРНЕМ СЕАНСЕ,
В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ...»

На улице имени первого советского чекиста в Таре запахло весной. Друзья оставились около столовой №1. Запальчиво перебивая друг друга, совершенно кинематографично они чертили руками по воздуху декорации таинственной, рискованной виртуальной жизни.

– Мы поставим Вампилова, а ты будешь играть жену Зилова, – говорил один.

– А не замахнуться ли, друзья мои, нам на «Пикник на обочине», понимаете ли, наших братьев Стругацких, – перефразируя героя Евгения Евстигнеева из фильма «Берегись автомобиля», распаял свою буйную фантазию другой, – а ты, Таня, сыграешь жену сталкера – шикарная роль! Помнишь Алису... э-э-э... Фрейдлих у Тарковского?

Ещё бы, я помнила и Алису, и знаменитый монолог героини: «...мама говорила: он же сталкер, он же смертник, он же вечный арестант... И дети, – вспомни, говорила она, – какие дети бывают у сталкеров... А я даже с ней не спорила. Я и сама все это знала: и что смертник, и что арестант, и про детей. Только что я могла поделаться? Я уверена была, что с ним мне будет счастье. Я знала, конечно, что и горя будет много, но я подумала: пусть будет лучше горькое счастье, чем серая жизнь. А может быть, я все это уже сейчас придумала. Тогда он просто подошел ко мне и сказал ласково: "Слушай, пойдем со мной!" И я пошла. И никогда об этом не жалела. Никогда. И плохо было. И страшно было. И стыдно было, и все-таки я никогда об этом не жалела и никому не завидовала. И он тоже не жалел и не завидовал. Просто судьба такая. Жизнь такая, мы такие».

Я согласна быть и женой Виктора Зилова, и женой сталкера. И эти чокнутые братья Люмьеры мне тоже симпатичны.

«Ах, как я была влюблена,
Мой друг, и что теперь?
Я думала, это весна,
А это оттепель».

* * *

– А что В.? Актёр-то он слабый, – небрежно бросил он. О, да здесь назревал конфликт: так дерзко отправить красивого, обаятельного, элегантного кумира в нокаут!

– А что, собственно говоря, не так?

– Да не верю я ему! – воскликнул он, как Станиславский.

– Странно... А меня актёр вполне убедил в этой роли.

– У него уровень участника художественной самодеятельности!

– Послушай, да это бред. Он профессионал высокого уровня.

Эта восхитительная полемика продолжалась бы ещё долго.

– Ну, довольно. Предъяви свой список.

Он называет Михаила Ульянова, Василия Шукшина, Льва Дурова. Говорит, что, кроме «моих артистов», в кино важны сценаристы. Здесь были названы такие имена, как Геннадий Шпаликов, Юрий Клепиков, художники по костюму, режиссёры и звуко-режиссёры, операторы. Без талантливой камеры Павла Лебешева не было бы фильмов Никиты Михалкова «Несколько дней из жизни И.И. Обломова», «Свой среди чужих, чужой среди своих», как без Георгия Рерберга – «Зеркала» Тарковского. И основа фильма – сценарий.

Художественное, в отличие от документального кино, ему нравилось довольно редко, с интересом смотрел киножурналы «Новости дня» и «Сибирь на экране». Помните, звучит бравурный марш, крутится земной шарик... Известный поэт Левитанский написал о нём замечательные стихи:

«И очнулся, и качнулся,
Завертелся шар земной.
Ах, механик, ради бога,
Что ты делаешь со мной?»

Если фильм был скучным, он мог сладко вздремнуть. И вот однажды, в момент безмятежного посапывания, я дотронулась до плеча со словами: «А что это вы здесь делаете? Кино-то уже кончилось».

– А? Что такое? Что?..

Было весело.

* * *

Стояла дождливая, тёплая осень. Мы надели плащи, резиновые сапоги, взяли зонт и отправились в кино. Фильм, четырнадцать лет пролежавший на полке, назывался «Проверка на дорогах». Судьба военнопленного Лазарева, добровольно перешедшего на службу к немцам и кровью искупившего измену Родине, глубоко взволновала нас. В фильме была подлинная человеческая жизнь, и всё в нём было прекрасно: режис-

сура Алексея Германа, сценарная работа Эдуарда Володарского, проникновенная игра актёров Владимира Заманского, Ролана Быкова, Олега Борисова, пронзительной Майи Булгаковой, музыка Исаака Шварца и Густава Малера. Удивительно, но, несмотря на драматические события фильма, светлое настроение, словно тёплая волна, накрыло нас. Воздух свежий, промытый. Мы идём мимо мокрых строений, скользим на жидкой грязи, перепрыгивая через лужи и канавы, наполненные дождевой водой с плавающими желтыми листьями. Всё-таки хорошее кино – это счастье!